

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

ПИСЬМА Г.Ф. ПУХТЫ К Ф.К. САВИНЬИ КАК ИСТОЧНИК ПО НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Н.Е. Асламов

Работа с эпистолярным наследием того или иного мыслителя традиционно вызывает некоторый скепсис у историков философии, который, в первую очередь, направлен на неудобство, связанное с политематичностью письма как литературного жанра, на фоне которой обращение к собственно философским текстам представляется более выгодным. Тем не менее работа с перепиской уже давно стала обязательным компонентом историко-философских исследований, посвященных, в частности, немецкой философии первой половины XIX в.

Появление данной публикации, представляющей собой перевод шести писем одного из представителей т.н. «исторической школы права» Георга Фридриха Пухты своему учителю, основателю этого направления, Фридриху Карлу Савиньи (1), мотивировано несколькими обстоятельствами.

Во-первых, оба автора в отечественной историко-философской литературе едва известны; они определенно теряются на фоне своих знаменитых современников — представителей немецкого идеализма, а если их имена и упоминают, то зачастую в качестве представителей скорее юридической, нежели философской мысли, что не вполне справедливо, учитывая вклад Савиньи и Пухты в разработку философии права и политической философии. Более того, подавляющее большинство отечественных исследований, посвященных творчеству данных авторов, относится к позапрошлому столетию (2), в то время как в Германии традиция изучения воззрений «исторической школы права» продолжается до сих пор (3), причем эпистолярному наследию определенное внимание тоже уделялось (4).

Другой аргумент в пользу обращения к публикуемой переписке был озвучен немецким издателем этих писем Й. Бонертом, который в своем предисловии подчеркнул их важность для исследования вопросов, связанных с институциональным определением «исторической школы права» и той роли, которую сыграли в этом процессе Савиньи и Пухта [1. S. 23].

Здесь уместно вспомнить о сравнительно новом подходе, представленном, прежде всего, в известной работе Р. Коллинза «Социология философий: глобаль-

ная теория интеллектуального изменения» [2], сосредоточившегося на прояснении институциональной составляющей истории философии. Независимо от отношения к эвристическому потенциалу этой и сходных ей концепций, на материале писем Пухты к Савиньи можно апробировать методологию выстраивания «сетевых карт», что позволит в определенной степени расширить предложенные самим Р. Коллинзом для немецкой философии первой половины XIX в. системы вертикальных и горизонтальных связей. Более того, хронологический разброс этих писем позволяет увидеть внутреннюю динамику этой структуры.

Так, на фоне чрезвычайно вежливых и даже заискивающих формулировок первых пяти писем в послании от 3 августа 1840 г. хорошо заметен оттенок соперничества Пухты с Савиньи за «пространство внимания»: часто встречаются короткие фразы, по форме близкие к отчету, Пухта не боится полемизировать с учителем и даже в подписи к письму проявляет некоторую небрежность. Иными словами, тип связи между двумя мыслителями явно меняется.

Осуществление такого рода апробации представляется необходимым и по другой причине: в перспективе такая работа может послужить основанием для концептуализации самого понятия «историческая школа права», в значительной степени дискредитированного неясностью критериев принадлежности к указанному направлению.

Кроме того, на сравнительно небольшом по объему материале данной переписки можно осуществить ревизию существенных элементов других историко-научных концепций, в частности, постпозитивистских, в большей или меньшей степени затрагивающих проблемы институционализации науки. К примеру, Т. Кун предложил ряд методических приемов, служащих для определения принадлежности научных сообществ: в качестве маркирующих признаков, подлежащих выявлению, им названы «членство в профессиональных обществах» и «чтение журналов» [3. С. 228], если же требуется установить, к какой отрасли внутри науки относится та или иная группа авторов, можно «побывать на специальных конференциях, изучить распределение планов написания рукописей или прочитать гранки будущих публикаций, а главное, прибегнуть к изучению формальных и неформальных систем коммуникаций, включая и те, которые раскрываются в переписке и способах цитирования» [3. С. 229].

Безусловно, автор выработал эту методику с опорой на современные научные институты. Тем не менее, поскольку она претендует на универсальность, ее можно проверить и на данном материале, причем переписка в этом смысле гораздо удобнее, поскольку содержит большое количество означенных указаний в сравнительно небольшом объеме текста.

Преподавание на юридических факультетах, участие в издании журналов правовой тематики, названия работ и такие элементы «формальных и неформальных систем коммуникаций», как использование латинских юридических терминов, однозначно указывают на принадлежность Пухты и Савиньи соответствующей науке. В то же время методология Т. Куна совершенно не учитывает такие факты, как, например, прямое указание Пухты на близость своих воззрений к гегельянским в самом конце письма от 17 августа 1829 г., что очевидно свидетельствует

о характерной особенности юриспруденции того времени — тесной связи ее с разработкой философии права и политической философии, чем, собственно, объясняется интерес Пухты к системам Шеллинга и Гегеля.

Кроме того, обращение к публикуемому материалу, в силу указанной проблематичности, из-за которой, кстати, не всегда удается выстроить четкую типологию эпистолярия, позволяет составить некоторое представление о характере личных и профессиональных отношений респондентов и упоминаемых в их переписке лиц, а также степень влияния одного вида отношений на другой, что подчас позволяет разграничить ту полемику, которая возникает из-за несовпадения философской позиции, и ту, которая мотивирована личными симпатиями и антипатиями.

Например, Пухта в письме от 16 марта 1839 г. совершенно четко указывает на то, что причиной его разногласий с известным гегельянцем Эдуардом Гансом послужило не различие, а, наоборот, идентичность взглядов. Таким образом, корни этой полемики следует искать не столько в содержательных различиях текстов авторов, принадлежащих к этим направлениям, сколько опять же в институциональном размежевании гегельянства и «исторической школы права».

В силу того что письма содержат многочисленные упоминания о самых разных авторах, занимавшихся вопросами государства и права (5), обращение к этим текстам небесполезно для прояснения контекста, в котором возникают все крупные сочинения 20-х — 40-х гг. XIX в. по данной тематике, что может оказаться не только методически важным при изучении немецкой философии этого периода, но и методологически интересным, поскольку позволяет строить историко-философское исследование на фундаменте конкретно указанных самим автором, а не полученных в результате сравнительного анализа заимствований, цитат и ссылок.

Значительное место уделяет Пухта описанию проблем, связанным с его процессом преподавания. Конечно, эти фрагменты представляют больший интерес для историка науки, нежели для историка философии, тем не менее, игнорировать их также не стоит, поскольку они дают представление о том «бэкграунде», на фоне которого «историческая школа права» оформилась как течение.

Помимо всего вышесказанного, эта переписка может представлять определенный интерес для исследователей эпистолярия как жанра научной литературы. В письмах Пухты к Савиньи прекрасно заметно, что они оба воспринимают переписку как способ апробации своих научных изысканий в узком кругу единомышленников: так, значительную часть своего письма от 16 марта 1839 г. Пухта посвящает комментарию на еще не опубликованную работу Савиньи «Система современного римского права», а в письме, датированном 3 августа 1840 г., излагает основные моменты наполовину написанного к тому моменту «Курса институций». Такая ситуация, очевидно, представлявшаяся нормальной обоим респондентам, позволяет считать научную переписку первой половины XIX в. формой предпубликации текста, а также аналогом выступлений на современных конференциях, которые, как известно, служат не только демонстрации собственных научных достижений, но и корректировке некоторых итоговых положений, а также определению возможного поля для дальнейших исследований.